

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ

CD/PV.515
6 July 1989

RUSSIAN

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ О ПЯТЬСОТ ПЯТНАДЦАТОМ ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ,
состоявшемся во Дворце Наций в Женеве в четверг,
6 июля 1989 года, в 10 час. 00 мин.

Председатель: г-н Лувсандоржийн Баярт (Монголия)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (перевод с английского): 515-е пленарное заседание Конференции по разоружению объявляю открытым.

Я хотел бы сердечно приветствовать участников программы стипендий Организации Объединенных Наций, подготовительных программ и консультативных услуг по вопросам разоружения, которые присутствуют сегодня на нашем пленарном заседании. Как вам известно, первая часть этой программы в настоящее время проходит в Женеве, и участникам предлагается посетить некоторые страны, являющиеся членами Конференции, Отделение Организации Объединенных Наций в Вене и Центральные учреждения Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке. Я хотел бы пожелать всем участникам успехов в их работе здесь, в Женеве, в ходе которой различные члены Конференции по разоружению проинформируют их о текущих проблемах разоружения.

Сегодня Конференция продолжит рассмотрение пункта 5 повестки дня, озаглавленного "Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве". Однако в соответствии с правилом 30 Правил процедуры при желании любой член может поднять любой вопрос, имеющий отношение к работе Конференции.

В моем списке ораторов на сегодня значатся представители Венгрии и Перу. Сейчас я предоставляю слово представителю Венгрии послу Варге.

Г-н ВАРГА (Венгрия) (перевод с английского): Г-н Председатель, выступая впервые во время Вашего пребывания на этом посту, я передаю Вам свои поздравления в связи с Вашим вступлением на пост Председателя в июле. Я желаю Вам всяческих успехов в выполнении Ваших ответственных обязанностей. От имени моей делегации я также выражаю признательность вашему уважаемому предшественнику послу Гарсия Роблесу, который мудро и профессионально руководил работой этого органа в июне. Конференция по разоружению извлекла большую пользу из его богатого опыта и престижа в области многостороннего разоружения. Я также сердечно приветствую нового руководителя делегации СССР нашего нового коллегу посла Сергея Бацанова. Моя делегация продолжит с ним тесное сотрудничество, которое мы поддерживали с его уважаемым предшественником послом Юрием Назаркиным, которому я желаю всяческих успехов на его новом поприще. Пользуясь возможностью, мне хотелось бы попрощаться с нашими уважаемыми коллегами послом Шри-Ланки Родриго, послом Италии Пульезе и послом Аргентины Кампорой и пожелать им всего самого наилучшего в их будущей работе.

Конференция по разоружению возобновила свою работу в условиях сохраняющейся благоприятной международной атмосферы. События, которые произошли после закрытия нашей весенней сессии, свидетельствуют о растущем понимании, особенно в Европе, того, что результаты, достигнутые в области политического сотрудничества, необходимо подкреплять ощутимыми результатами в области разоружения. Предложения, выдвинутые государствами - членами Организации Варшавского Договора и Организацией Североатлантического договора, являются предвестниками быстрого и плодотворного завершения Венских переговоров. Предложения, выдвинутые обеими сторонами, сходны между собой в том, что касается радикальных сокращений обычных вооружений и вооруженных сил в Европе. Это не только свидетельствует об истинном стремлении к достижению соглашения, но и открывает превосходные шансы на успех. Мы надеемся, что именно это и произойдет в обозримом будущем, возможно, в намеченные сроки.

(Г-н Варга, Венгрия)

Конференция по разоружению должна внести свою лепту в позитивную общую тенденцию развития мировых событий. Переговоры о всеобъемлющем и полном запрещении всех видов химического оружия, бесспорно, являются одной из тех областей, где Конференция по разоружению может сделать крупный шаг вперед. По мнению моей делегации, работа, возобновленная в пяти рабочих группах под активным руководством Председателя Специального комитета посла Мореля, должна быть направлена на урегулирование выявленных к настоящему времени нерешенных проблем и на закрепление в переходящем тексте достигнутых договоренностей. Когда я говорю о нерешенных проблемах, я имею в виду те проблемы, которые имеют большое политическое значение. Пять рабочих групп, на наш взгляд, должны сосредоточить внимание на решении проблем, которые могут облегчить скорейшее завершение разработки конвенции о глобальном запрещении всего химического оружия.

Моя делегация считает, что Конференция проделала полезную работу, проведя немало национальных экспериментальных инспекций. Накопленный практический опыт и сделанные выводы облегчат окончательную разработку системы проверки будущей конвенции. От имени моей делегации я хотел бы выразить признательность делегации Швеции за ее превосходную работу.

В то время как в Женеве на Конференции по разоружению ведутся переговоры о запрещении химического оружия и все большее значение приобретают проблемы проверки, ряд стран предпринимают усилия, направленные на содействие решению этой ключевой проблемы.

Венгрия одной из первых провела национальную экспериментальную инспекцию в конце прошлого года. Как уже неоднократно заявлялось, Венгрия не обладает ни химическим оружием, ни каким-либо промышленным предприятием по его производству. Она не ведет никаких исследований, связанных с химическим оружием, и не намерена приобретать такое оружие в будущем. Более того, никакая другая страна не хранит никакого химического оружия или не проводит никакой связанной с этим деятельности на территории Венгрии. Наше участие в экспериментальных инспекциях преследует сугубо политические цели: содействовать переговорам и способствовать установлению взаимного доверия.

Задачи первой экспериментальной инспекции носили ограниченный характер: дать возможность венгерской группе изучить и отработать основы инспекции. Учитывая накопленный положительный опыт и стремление сохранить динамику переговоров в Женеве, мы считаем полезным рассмотреть вопрос о том, чтобы в свое время в развитие национальных экспериментальных инспекций организовать различного рода многостороннюю деятельность, включая многосторонние эксперименты по проверке.

Еще одной ключевой областью, где Конференции по разоружению нужно непременно добиться определенного прогресса, является вопрос о ядерном разоружении. В ходе весенней сессии посол Японии Ямада придал импульс работе по учреждению Специального комитета по запрещению ядерных испытаний. Моя делегация полностью поддерживает его усилия и искренне надеется, что в скором времени посол Ямада успешно преодолеет сохраняющиеся трудности - практически речь идет о двух-трех спорных словах - и Специальный комитет сможет приступить к практической работе еще в ходе нынешней сессии. В свете предстоящей Конференции участников Договора о нераспространении по рассмотрению действия Договора важность такого шага вряд ли можно переоценить.

(Г-н Варга, Венгрия)

В своем сегодняшнем выступлении я хотел бы более подробно остановиться на вопросе о запрещении радиологического оружия. Можно считать, что в данном случае также идет речь об одной из областей, где Конференция по разоружению могла бы добиться ощутимых результатов за сравнительно короткий срок. Это уже само по себе имело бы большое значение, хотя кое-кто и не склонен рассматривать этот вопрос в качестве первоочередной задачи.

Моя делегация традиционно проявляет особый интерес к этому вопросу и делает все, что в ее силах для содействия его решению. От имени моей делегации я хотел бы выразить признательность Председателю Специального комитета по радиологическому оружию послу Перу де Рибера за его усилия по поддержанию темпов переговоров.

Важное значение этого вопроса для контроля над вооружениями и разоружения также явилось причиной затянувшегося спора по вопросу о запрещении "собственно" радиологического оружия или радиологического оружия "в традиционном смысле" и о запрещении нападений на ядерные объекты. В обширных материалах, накопленных за последнее десятилетие, выдвигаются различные доводы за и против в связи с различными аспектами этого вопроса. Подводя итоги этих дискуссий, можно сделать вывод о том, что имеется общий консенсус о необходимости запрещения радиологического оружия независимо от того, что такого оружия, возможно, и нет в наличии. Можно также проследить "полуконсенсус" по вопросу о целесообразности соответствующих международных мер по запрещению нападений на ядерные объекты.

Я бы предпочел не заниматься подробным рассмотрением только что упомянутых мной доводов. Однако мне хотелось бы более обстоятельно остановиться на аспекте, который пока редко упоминался. Помимо того, что эти вопросы имеют важное значение с точки зрения разоружения и контроля над вооружениями - что, по мнению моей делегации, действительно имеет место - запрещение радиологического оружия и запрещение нападений на ядерные объекты может рассматриваться и в качестве глобальных, международных мер укрепления доверия. Практический опыт свидетельствует о жизненно важном значении соответствующих мер укрепления доверия как непереносимых шагов по созданию основы для более радикальных мер в области разоружения. Их значение приобретает тем более важный характер, что так или иначе оба направления связаны с конкретными аспектами ядерной деятельности. Результаты, достигнутые в этой области, имели бы огромное политическое значение в свете предстоящей четвертой Конференции участников Договора о нераспространении по рассмотрению действия Договора. Режим нераспространения заслуживает сохранения и укрепления. Этого можно добиться за счет принятия ряда мер в области ядерного разоружения. Вместе с тем благотворный эффект, особенно в том случае, когда мы говорим о запрещении нападений на ядерные объекты, могла бы дать и разработка соответствующих сопутствующих мер.

Начиная с 1979 года на переговорах по этому вопросу была проведена огромная работа, потребовавшая как интеллектуальных, так и профессиональных усилий. Нельзя не воздать должное проделанной работе и не пожелать сохранения и использования уже достигнутых результатов.

(Г-н Варга, Венгрия)

Осознавая трудности, связанные с существом и порядком рассмотрения двух аспектов этого вопроса, в 1986 году Конференция по разоружению рекомендовала вспомогательному органу, занимающемуся этой проблемой, рассмотреть вопрос о "наиболее эффективных путях и средствах проведения дальнейшей работы". Выполняя это решение и используя новый метод работы, этот орган создал хорошую документальную основу для работы по обоим направлениям. Мы надеемся, что результаты, достигнутые в Специальном комитете и контактных группах по направлениям "А" и "В", подтвердят осуществимость такой формы работы.

"Переходящие тексты", подготовленные соответственно по направлениям "А" и "В", содержат большинство основных элементов, необходимых для разработки окончательного текста. Недостающие элементы можно легко почерпнуть из документов, отражающих результаты предыдущего рассмотрения этого вопроса. Метод разработки альтернативных вариантов тех или иных центральных вопросов обладает тем достоинством, что он четко отражает различные подходы к этой проблеме, а также указывает возможные пути их решения.

При более конкретном изучении этого вопроса можно сделать вывод о том, что основным камнем преткновения в обоих случаях является отсутствие до сих пор согласованного мнения по вопросу об объеме запрещения. И не удивительно, что вследствие этого с трудом поддается урегулированию и ряд других основных элементов, включая вопрос о проверке. В каком-то смысле это является отражением или "следствием" нерешенных вопросов о сфере охвата.

Поэтому, на наш взгляд, возможность любого дальнейшего продвижения вперед зависит от того, удастся ли в конце концов решить вопрос об объеме запрещения. Оценивая переговоры, проведенные в рамках Специального комитета по радиологическому оружию, моя делегация считает, что в связи с теми элементами направления "А" и направления "В", которые касаются сферы охвата запретом, накоплен достаточный объем материалов. В настоящее время элементы, которые могли бы быть включены в сферу охвата будущего документа или документов, фигурируют в виде альтернатив. На соответствующем этапе переговоров неизбежно приходится приступать к разработке единой формулировки для сферы охвата обеих тем. Рабочий документ, распространенный сегодня в виде предварительного документа под символом CD/928, представляет собой попытку предложить - в порядке иллюстрации - практическое решение разработки единой формулировки в отношении сферы охвата для направлений "А" и "В" соответственно, на основе элементов, фигурирующих в рабочих документах, находящихся на рассмотрении в контактных группах Специального комитета по радиологическому оружию.

Что касается направления "А" или "собственно радиологического оружия", то здесь можно выделить два различных подхода, которые, к счастью, отнюдь не являются несовместимыми и уж тем более не исключают друг друга. Один из них, предложенный первоначальными авторами, предусматривает запрещение радиологического оружия как такового и соответственно запрещение враждебного использования радиоактивного материала. Это предложение дополняется соответствующим определением радиологического оружия, что кстати вызывает затяжные споры. Альтернативный подход предусматривает лишь запрещение использования радиоактивных материалов во враждебных целях. При таком подходе боевая пригодность радиологического оружия как такового ставится под сомнение, а определение радиологического оружия рассматривается как ненужное и двусмысленное.

(Г-н Варга, Венгрия)

Общим элементом этих двух подходов является то, что они оба признают необходимость запрещения использования радиоактивного материала во враждебных целях. Этот общий элемент, по-видимому, может быть использован в качестве основы для определения сферы охвата, которая отражала бы существо этих двух концепций. Поскольку имеется принципиальное согласие относительно запрещения использования радиоактивного материала во враждебных целях, то отсюда логично вытекает, что запрету подлежит и военная техника, конкретно предназначенная для использования радиоактивного материала во враждебных целях. В равной мере логично и то, что запрету подлежит производство, накопление, приобретение или наличие радиоактивного материала, специально созданного, разработанного или предназначенного для враждебных целей.

Моя делегация отдаёт себе отчет в том, что такой подход предполагает определенный пересмотр первоначальных позиций. Но чтобы добиться каких-то сдвигов, нужно что-то подвергнуть пересмотру.

Возвращаясь к направлению "В", т.е. к запрещению нападений на ядерные объекты, в порядке введения я хотел бы сказать, что в последние годы благодаря той идее, которую привнесла в проходящие дискуссии шведская делегация, оно уже само по себе стало самостоятельной темой.

Касаясь этого вопроса, я хотел бы начать с того, что в Дополнительном протоколе к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года уже предусматривается некоторая защита ядерных объектов, ибо, как говорится в пункте 1 статьи 56, установки, содержащие опасные силы, например атомные электростанции, "не должны становиться объектом нападения даже в тех случаях, когда такие объекты являются военными объектами, если такое нападение может вызвать высвобождение опасных сил и последующие тяжелые потери среди гражданского населения". Однако этот общий запрет ослаблен большим числом ограничений.

Может возникнуть вопрос о том, требуется ли дальнейшая международная правовая защита ядерных объектов. С 1949 года атомная промышленность проделала большой путь. И в этой связи я хотел бы несколько выделить один аспект, который довольно редко упоминается в наших дискуссиях. Конвенция об оперативном оповещении о ядерной аварии и Конвенция о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации, принятые в 1986 году в рамках МАГАТЭ, были разработаны практически сразу же после Чернобыльской катастрофы. Дух этих двух конвенций свидетельствует о том, что государства действительно осознают опасность ядерных аварий, которые могут привести к международным трансграничным выбросам радиоактивного материала и которые могли бы иметь важное значение и с точки зрения радиационной безопасности других государств. Совершенно ясно, что эти государства не желают возникновения антропогенных ядерных аварий, ибо они стремятся предотвратить или избежать последствий аварий, происшедших в результате технических сбоев. Вряд ли есть необходимость еще дальше развивать эту мысль.

Возвращаясь после этого краткого исторического экскурса к основной теме, я хотел бы сказать, что вышеуказанные конвенции, в сочетании с их основной смысловой нагрузкой, могут иметь практическое значение для наших переговоров.

Контактной группе "В" Специального комитета по радиологическому оружию также удалось накопить большое количество материалов о возможных элементах, имеющих отношение к запрещению нападений на ядерные объекты. Однако, как и в случае с направлением "А", соответствующие позиции тяготеют к двум самостоятельным, но противоречивым подходам, которые отличаются друг от друга

(Г-н Варга, Венгрия)

как в количественном, так и в качественном отношении. Подход, основанный на так называемом "критерии массового уничтожения", делает акцент на недопущении высвобождения и распространения радиоактивного материала и предусматривает запрещение нападений на довольно узкий круг объектов, определяемых исходя из технических характеристик, изложенных в разделах, касающихся определений и критериев. Второй подход, который иногда именуется как "охранительный подход", делает акцент на аспект "ненападения" и предусматривает запрещение нападений на более широкий, а то и неограниченный круг объектов.

Разработка общего подхода, на наш взгляд, представляет собой двоякую задачу. Первая задача - главным образом политического характера - заключается в разработке надлежащей комбинации положения о ненападении и недопущении высвобождения радиоактивного материала. Вторая задача - в большей мере технического характера - заключается в том, чтобы описать и определить объекты, которые будут подпадать под эту сферу охвата. Последняя задача предполагает глубокое профессиональное ознакомление с соответствующими ядерными технологиями и со связанными с ней потенциальными опасностями в практическом плане. Как бы там ни было, суть проблемы связана с вопросом о сфере охвата. Предложенный в нашем рабочем документе вариант служит иллюстрацией описанных мной выше концептуальных построений. На данном этапе, учитывая указанные трудности, наша делегация не выдвигает каких-либо предложений относительно второй части этой задачи.

Завершая свое выступление, я хотел бы подчеркнуть, что на нынешних и на будущих этапах переговоров нужно стремиться и к согласованию существующих явных расхождений. Достижение согласия по вопросу о сфере охвата наверняка облегчило бы согласование позиций и по другим основным элементам. Если бы удалось разработать на основе консенсуса реалистичный подход, то это, быть может, помогло бы убедить тех, кто на данном этапе, возможно, и имеет оговорки в связи с этими проблемами как таковыми.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (перевод с английского): Я благодарю уважаемого представителя Венгрии за его выступление и добрые слова в адрес Председателя. Сейчас я предоставляю слово уважаемому представителю Перу г-ну Кальдерону.

Г-н КАЛЬДЕРОН (Перу) (перевод с испанского): Г-н Председатель, позвольте мне в начале своего выступления выразить наше удовлетворение в связи с Вашим пребыванием на посту Председателя. Могу Вас заверить в том, что моя делегация готова всячески содействовать успеху нашей работы. Я также хотел бы воспользоваться предоставившейся возможностью и от имени моей делегации выразить признательность послу Альфонсо Гарсия Роблесу за превосходное руководство работой этого единого многостороннего форума переговоров в июне месяце. Посол Гарсия Роблес, которого связывают с Перу тесные узы, является видным деятелем в области разоружения, и его неутомимая приверженность этой работе ежедневно вдохновляет нас и служит для нас выдающимся примером. Пользуясь возможностью, от имени моей делегации я хотел бы передать наилучшие пожелания уважаемым послам Шри-Ланки г-ну Родриго, Италии г-ну Пульезе и Аргентины г-ну Кампоре, которые в скором времени, как мы надеемся, хотя бы ненадолго присоединятся к нам.

(Г-н Кальдерон, Перу)

Прежде всего я хотел бы остановиться на пункте 7 повестки дня. Как заявил в своем выступлении на Конференции 25 апреля сего года министр иностранных дел Перу г-н Гильермо Ларко Кокс, "вопрос о запрещении нападения на ядерные объекты можно было бы решить на основе краткого, действенного соглашения, в основном политического характера". Поэтому сегодня мне приятно представить проект конвенции по данному вопросу, который полностью соответствует позиции моей страны. Осознавая те последствия политического и технического характера, к которым ведет заключение конвенции такого рода, моя делегация не претендует на то, что этим проектом конвенции мы разрешим все свои разногласия, которые проявились за эти последние шесть лет. Мы также не считаем, что мы удовлетворительным образом учли все различные оттенки позиций, занимаемых по этому вопросу в данном органе. Однако мы пытаемся найти новый подход к решению этого важного вопроса о нападениях на ядерные объекты, поскольку мы убеждены в том, что благодаря политической воле представленных здесь государств мы смогли бы довольно быстро достичь согласия по этому вопросу.

Пытаясь запретить нападения на ядерные объекты, мы стремимся запретить один из видов агрессии, особенность которого заключается в том, что он влечет за собой дополнительную опасность возможного высвобождения радиации в ущерб здоровью соседнего населения и окружающей среде. Иными словами, мы добиваемся вычленения нападений на ядерные объекты именно потому, что они являются источником дополнительной угрозы. Я говорю дополнительной угрозы потому, что в действительности это не во всех случаях привело бы к неизбежному высвобождению радиоактивности. Если концентрировать свое внимание исключительно на тех нападениях на ядерные объекты, которые вызвали бы эффект массового уничтожения, то, рассуждая от противного, нам следовало бы примириться с дифференциацией нападений на ядерные объекты, что совершенно неприемлемо с точки зрения международного права. В сущности весь парадокс состоял бы в том, что нападение на ядерный объект мощностью 0,5 МВт выходило бы за рамки будущей конвенции, несмотря на вопиющее нарушение международного права и серьезный ущерб, который могла бы понести страна, подвергнувшаяся этому нападению, лишь на том основании, что высвободившаяся радиоактивность не достигла необходимого количества баккерелей. По сути дела, вопрос о нападениях на ядерные объекты нельзя рассматривать в отрыве от принципов, четко и недвусмысленно изложенных в пункте 4 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций и касающихся обязательства государств-членов воздерживаться от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций. Это основополагающая норма, которая относится к категории *jus cogens*, не позволяет нам проводить разграничение между актами агрессии, поскольку это могло бы поставить под угрозу ее полноценную эффективность. Единственной причиной, которая допускает вычленение нападений на ядерные объекты среди других актов агрессии, является латентная опасность распространения радиоактивности, что может быть сопряжено с такими последствиями, как массовое уничтожение. С юридической же точки зрения нет абсолютно никаких оснований для разграничения нападений на ядерные объекты, коль скоро мы добиваемся заключения универсальной конвенции, а не какой-то частичной локальной конвенции, предназначенной для густонаселенных районов или для стран, располагающих большим количеством реакторов и ядерных объектов. Таким образом, если основанием для обособления нападений на ядерные объекты от других нападений является не реальный или непреложный факт, а риск или угроза причинения

(Г-н Кальдерон, Перу)

бесконтрольного высвобождения радиоактивного материала, то перед экспертами возникает еще одна проблема: можно ли провести разграничение между ядерными объектами, предназначенными для военных целей, и объектами, предназначенными для мирных целей. Следует, по крайней мере, помнить о том, что альфа-, бета- и гамма-лучи не проводят разграничения между людьми или вещами, и, вырвавшись на свободу, они являются одинаково вредными, независимо от их первопричины. Перефразируя слова, некогда сказанные генералом Галлуа, можно сказать, что в данном случае речь идет об эгалитарной мощи атома или, иными словами, о проявлении зловещей эгалитарной природы атомного распада: даже будучи первоначально предназначен для противоположной цели, ядерный распад, выйдя из-под контроля, становится в равной степени вреден как для человека, так и для окружающей среды. Несмотря на вышеизложенное, приходится признать, что нелегко провести грань между военным и невоенным использованием ядерных объектов, особенно если иметь в виду, что такое использование может быть как прямым, так и косвенным. Однако нам вовсе нет необходимости обязательно урегулировать этот вопрос. По правде говоря, конвенцию вполне можно разработать и абстрагировавшись от этой проблемы. В конце концов, нам нужно раз и навсегда устранить всякий риск или угрозу, которые могут нависнуть над незащищенными людьми в том случае, если акты агрессии будут направлены на ядерные объекты.

Еще одна проблема, которая иногда осложняет рассмотрение нами этого вопроса, состоит в том, что нам нужно решить, на чем нужно делать акцент в намечаемой конвенции - на защите установок в военное время или на их защите в мирное время. Строго говоря, мы добиваемся запрещения нападений на ядерные объекты в любое время и в любом месте. Безусловно, вполне правомерен тот факт, что особое беспокойство возникает в том случае, когда возможность нападения появляется во время войны. Однако в данном случае присутствует какой-то элемент случайности или неожиданности, что, конечно же, не следует игнорировать в будущей конвенции, но здесь нет никаких оснований для того, чтобы рассматривать этот фактор в качестве решающего. Важно запретить те акты агрессии, которые не всегда имеют место в военное время. Более того, такого рода акты могут иметь место в ситуациях, не связанных с открытым конфликтом, как это случилось несколько лет назад. Поэтому если нам нужна универсальная конвенция, отвечающая интересам каждого, в ней необходимо излагать не исключения, а нормы. На случай же войны, вводя такое всеобъемлющее запрещение, нам нужно в международно-правовом порядке добиться ограничения круга военных целей или объектов, которые могли бы быть выбраны противниками, и вместе с тем укрепить гуманитарное право в связи с Дополнительным протоколом I к Женевским конвенциям 1949 года.

Одним словом, моя делегация видит будущую конвенцию как совокупность норм, вытекающих из *jus cogens* и нацеленных на запрещение определенных актов агрессии, характерной особенностью которых является то, что они связаны с риском массового уничтожения. Иначе говоря, запрещение сводится к нападениям, независимо от их природы. Имуществом, которое мы хотим защитить, являются ядерные объекты в той мере, в какой они органически связаны с возможностью бесконтрольного высвобождения радиоактивности. И наконец, смысл такого подхода состоит в том, что все государства заинтересованы в предотвращении ненужного или недопустимого ущерба, который может нанести радиация их населению и окружающей среде.

(Г-н Кальдерон, Перу)

По мнению делегации, это представляет собой правовую, политическую и моральную основу, на которой должна строиться будущая конвенция. Именно на этих принципах мы разработали конвенцию, которую сегодня мы вносим на рассмотрение уважаемых делегаций, представленных на Конференции. Рабочий документ CD/929, который мы представили сегодня утром, должным образом учитывает основные элементы, фигурирующие в приложении к докладу Специального комитета, который был представлен Конференции в прошлом году. В него также включены ценные элементы, содержащиеся в двустороннем соглашении, подписанном несколько месяцев назад Индией и Пакистаном. И наконец, в нем вводятся новые элементы с целью согласования позиций и рационализации тех поучительных дискуссий, которые проходят на нашей Конференции уже несколько лет. Как было сказано в начале нашего выступления, мы не считаем, что этим новым проектом нам удалось решить все проблемы или рассеять все сомнения; мы также не считаем, что он удовлетворяет всех и каждого. Наша цель состоит в том, чтобы навести на более активные размышления и стимулировать дискуссии за счет неординарного новаторского и общего подхода, в основе которого лежит стремление учесть различные, в равной мере правомерные ситуации, возникающие в связи с вопросом о нападениях на ядерные объекты. Во всяком случае мы не должны забывать о том, что раз нам нужно универсальное по своему охвату и участию соглашение, нам нужно учитывать интересы всех сторон, и в том числе тех государств, которые, не имея ядерных объектов на своей территории, оказываются под угрозой высвобождения радиоактивности в результате нападения на ядерный объект по соседству от них. Моя делегация хотела бы, чтобы документ CD/929 был представлен Контактной группе В Специального комитета по радиологическому оружию, координатором которой является представитель Нидерландов г-н Йиверс, с целью его использования в качестве основы для обсуждений и анализа. Я не думаю, что мне нужно сейчас разъяснять положения, фигурирующие в восьми статьях проекта конвенции. Моя делегация предпочитает более подробно рассмотреть этот вопрос в свое время в рамках Специального комитета. Тем временем мы готовы к сотрудничеству с другими уважаемыми делегациями, которые заинтересованы в проведении консультаций с целью выработки более приемлемого для всех текста.

Сейчас я хотел бы сказать пару слов о работе Специального комитета по химическому оружию. Прежде всего, мне, разумеется, хотелось бы выразить признательность послу Морелю и председателям пяти рабочих групп в связи с тем, что они столь самоотверженно и профессионально ведут свою работу. Добиваясь, как и все мы, скорейшего завершения переговоров в соответствии с духом Парижской конференции, моя делегация не может не воздать должное тем огромным усилиям, которые предпринимаются Конференцией по разоружению с целью выполнения ее задач в этой области. Как вы знаете, переговоры, проводимые на Конференции по разоружению с целью достижения полного запрещения и уничтожения химического оружия, являются уникальными в истории многосторонних переговоров за послевоенный период и об этом не следует забывать. Во-первых, мы ведем переговоры, которые не имеют предельного срока. Иными словами, мы присутствуем на них и участвуем в них без каких-либо временных ограничений и постоянно испытываем воздействие международной конъюнктуры, а тем самым мы вынуждены из год в год заниматься одним и тем же. Если бы у нас был какой-то предельный срок завершения нашей работы или хотя бы какой-то конкретный год, принятый каждым участником, то наша работа, быть может, велась бы иными темпами и приобрела бы иной облик. Отсутствие такого срока позволило бы недоброжелательному наблюдателю прийти к выводу о том, что заключение конвенции может быть отложено до бесконечности.

(Г-н Кальдерон, Перу)

Есть и еще один фактор, благодаря которому эти переговоры приобретают уникальный характер и который заключается в том, что до сих пор в мандате пока еще нет прямого указания на запрещение применения химического оружия. Конечно, это у всех присутствует в подсознании, но когда речь заходит об установлении связи между будущей конвенцией и Женевским протоколом 1925 года, появляются расхождения. Очевидно, что никто не представляет себе полного запрещения без четкого запрещения применения этого оружия - будь то первым, вторым или при каких-либо иных обстоятельствах. И тем не менее это обстоятельство пока еще не получило четкого отражения.

Другой фактор связан с разрастанием положений и текстов, имеющих отношение к будущей конвенции, что также обуславливает уникальность переговоров, ибо на них нужно согласовать не только основные положения, но и все регламентирующие положения и второстепенные аспекты, связанные с применением различных статей конвенции. Поэтому мы сталкиваемся с такой ситуацией, когда нам приходится заниматься как нормотворчеством, так и регламентацией, и при этом иногда оказывается, что аспект регламентации превалирует над аспектом нормотворчества. Взаимосвязь, которая в конечном счете существует между ними, их значение с юридической точки зрения и различия, которые могут возникнуть в результате использования различных режимов во внутреннем праве, не позволяют нам исключить возможность возникновения в будущем новых и нежелательных осложнений.

С этим последним фактором связан вопрос о "переходящем тексте" - удачно выбранный несколько лет назад термин, который позволил нам в последние годы обеспечить преемственность. И все же есть смысл задуматься о том, следует ли нам сохранять этот термин. Быть может, уже пора дать новое название тексту, выходящему из Специального комитета, ибо может статься, что "преемственность" будет подразумевать "продолжение ради продолжения", что отнюдь не одно и то же. Можно было бы подумать о предварительном проекте конвенции на следующий год, и, по-видимому, это было бы самым логичным, если мы хотим согласовываться с парижской Заключительной декларацией.

И наконец, есть и еще один фактор, благодаря которому наши переговоры приобретают уникальный характер: метод работы. На первый взгляд может показаться, что было бы логично добиваться достижения конкретного прогресса во всех областях, связанных с будущей конвенцией; но когда темпы и ход работы не отличаются согласованностью и не отличаются синхронностью во всех областях, т.е. когда имеют место подъемы и спады, то непонятно, почему нельзя отложить на более поздний срок те второстепенные вопросы, которые еще не в достаточной мере созрели для решения, с тем чтобы сосредоточить свое внимание и усилия на основных проблемах, которые взаимосвязаны между собой и которые нужно непременно урегулировать, с тем чтобы облечь конвенцию в ее окончательную форму. Как говорят в народе, "за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь". И нам не следовало бы пренебрегать этим советом, и кстати это позволило бы каждому из нас лучше уяснить все действительно существенные вопросы, которые лягут в основу будущей конвенции. Удваивать усилия и увеличивать число всякого рода заседаний - все это, конечно, хорошо, но при этом нужно еще быть уверенным в том, что мы не обманем ожиданий и что окончательный текст конвенции в пределах нашей досягаемости.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (перевод с английского): Я благодарю представителя Перу за его выступление и добрые слова в адрес Председателя. На этом мой список ораторов на сегодня исчерпан. Желает ли какая-нибудь другая делегация взять слово на этом этапе?

Сегодня по моей просьбе секретариат распространил неофициальный документ, в котором приводится расписание заседаний Конференции и ее вспомогательных органов на следующую неделю. Как обычно, это расписание носит ориентировочный характер и в случае необходимости в него могут быть внесены изменения. Исходя из этого, я предлагаю принять этот неофициальный документ.

Расписание принимается.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (перевод с английского): Других вопросов у меня нет на сегодня. Сейчас я закрою наше пленарное заседание. Следующее пленарное заседание Конференции по разоружению состоится во вторник, 11 июля, в 10 час. 00 мин.

Пленарное заседание закрывается.

Заседание закрывается в 10 час. 55 мин.